

DOI: 10.25178/nit.2024.2.8

Статья

Юрта и ее детали в тувинских загадках

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

В статье анализируются лингвокультурные и лингвокогнитивные особенности тувинских загадок о войлочной юрте.

Объектом исследования являются тувинские загадки об артефактах в функции предмета действительности, закодированного в загадке (энигмате). Источником послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 г. издания, из которого методом сплошной выборки отобрано 297 загадок об артефактах тувинской культуры. Составлены рейтинги номинативной плотности и частотности тематических групп загадок о традиционных артефактах. Загадки о юрте занимают в них высокие места.

Демонстрируется, что юрта и ее детали кодируются загадками в рамках архетипических биномов «верх — низ», «внешний — внутренний», «закрытый — открытый», «подвижный — неподвижный», «живой — неживой», «природный — культурный». При этом для метафорического описания чаще всего используются антропоморфный, зоо- и биоморфный коды культуры, то есть артефакты описываются посредством метафоризации натурфактов.

Ключевые слова: загадка; тувинский фольклор; тувинский язык; модель мира; культурный код; архетипическая оппозиция; юрта

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Для цитирования:

Бочина Т. Г. Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 125-140. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистического образования для иностранных студентов Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

---

BOCHINA, Tatyana Gennadievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistic Education for International Students, Kazan (Volga Region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-2606-2985

Article

The yurt and its details in Tuvan riddles

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

The article analyzes the linguistic and cultural features of Tuvan riddles related to felt yurts. The study focuses on Tuvan riddles related to artifacts in their enigmatic function (objects of reality encoded in riddles). The source for the study was a collection of Tuvan riddles compiled by G. N. Kurbatsky, from which 297 riddles were selected using continuous sampling method. Ratings of the thematic groups and frequency of riddles have been compiled. Based on the findings, the mysteries of the yurt occupy prominent positions in this context. It has been demonstrated that the yurt and its various parts are encoded through a series of riddles, which are embedded within the archetypal oppositions of “top – bottom”, “outside – inside”, “open – closed”, “moving – stationary”, and “animate – inanimate”. At the same time, anthropomorphic, zoomorphic, and biomorphic cultural codes are often used to metaphorically describe artifacts, in other words, objects are described through the metaphorization of natural phenomena.

Keywords: riddle; Tuvan folklore; Tuvan language; worldview; cultural code; archetypal opposition; yurt

Financing

The article was written within the framework of the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University.

For citation:

Bochina T. G. The yurt and its details in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 125-140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Введение

Современная парадигма лингвистики, сочетающая антропоцентризм, междисциплинарность и функционализм, характеризуется пристальным вниманием к малым жанрам фольклора, бурным оживлением паремиологических исследований разных лингвокультур (Бочина, 2023; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Бредис, Иванов, 2022; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Alyoshin, Ivanov, 2023; Иванов, 2023; Ломакина и др., 2023; Нелюбова, Ломакина, Мирзаева, 2023; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021), в том числе тувинской (Иванов, 2022; и др.).

Минимальный объем паремий, их прецедентная сущность, стереотипность и афористичность содержания привлекают ученых, изучающих особенности мировидения разных народов, этнических картин мира и его «строительного материала», ведь «чем лапидарнее текст, тем весомее слово, тем больше частей данного универсума оно обозначает» (Лотман, 1996: 91). Данное наблюдение справедливо не только для пословиц и поговорок, но и для загадок, корпус которых «является своеобразным толковым словарем модели мира, где отгадка — это слово, а описательная часть — его дефиниция» (Цивьян, 1978: 65). Можно сказать, что денотаты загадок (энигматы, или отгадки) выполняют функцию лексикона модели мира, а сигнификаты (энигматоры, или кодирующие тексты) являются метафорическим образом мира.

Двухчастной структуре энигматического текста соответствует и двусторонность обучающей функции загадки. С одной стороны, отгадки указывают на элементы мира, которые должен познать ребенок, с другой — описательная часть указывает на особенности устройства соответствующего фрагмента мира. Соответственно, обучающая функция загадки имеет прагматический и когнитивный уровни («о чем» знать и «что об этом» знать).

В последние годы опубликовано немало научных исследований кодов тувинской культуры (Сатанар, 2022), в том числе пространственного (Воробьев, Фаткуллина, Кужугет, 2023); природного (Иванов, Монгуш, 2023; Николаева и др., 2023; Чеснокова, Усманов, 2022b), пищевого (Чеснокова, Усманов, 2022a). Таким образом, актуальность статьи мотивируется научной значимостью познания лингвокультурных особенностей репрезентации культурных кодов энигматическими текстами. Важность описания предметного кода тем более очевидна в связи с тем, что артефакты являются наиболее очевидными, доступными чувственному восприятию, особенностями этнической материальной культуры.

Целью данной статьи является выявление лингвокультурных и лингвокогнитивных особенностей тувинских загадок о войлочной юрте. Достижению данной цели будет способствовать решение следующих задач: на основе количественного анализа определить место тематической группы «юрта» в системе загадок об артефактах; определить лингвокультурные особенности описания дома в загадках о войлочной юрте; описать соотношенность загадок о юрте с архетипическими оппозициями модели мира.

В качестве источника анализа использован сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 г. издания¹, который содержит 1121 загадку; из него методом сплошной выборки было отобрано 297 загадок об артефактах, связанных с юртой.

Загадки о юрте на фоне загадок о других артефактах

Артефакт, или рукотворный предмет, продукт материальной культуры, — это «любой искусственно созданный объект, имеющий как определённые физические характеристики, так и знаковое, символическое содержание»². Знаковость и символичность артефакта проявляются по-разному в различных сферах жизнедеятельности человека.

Семиотика жанра загадки заключается в том, что денотаты энигматического текста проецируются на систему универсальных оппозиций, описывающих модель мира. Соответственно, и загадки о предметах материальной культуры являются знаками и символами специфики этноса, особенностей его мировидения, трансляторами «социально-культурной информации и жизненно-смысловых значений»³.

С целью выявления значимых в тувинской культуре артефактов в рассматриваемом сборнике были проанализированы разделы «Загадки о быте» и «Загадки о хозяйстве». Из них методом сплошной выборки были извлечены загадки с денотатом-артефактом (за исключением предметов нового быта и хозяйства⁴) и классифицированы на группы: «юрта», «предметы домашнего обихода», «кухонная утварь», «одежда, обувь, украшения», «инструменты», «артефакты коневодства», «оружие», «артефакты курения».

Далее определен рейтинг номинативной плотности разных групп путем подсчета денотатов загадок, при этом учитывались не только лексемы, номинирующие артефакт, но и словосочетания, обозначающие детали артефакта. Данный факт принципиален для жанра, поскольку загадки рассчитаны не на отгадывание, а на заучивание (Цивьян, 1978: 83), следовательно, точное воспроизведе-

¹ Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021.

² Артефакт [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/артефакт> (дата обращения: 15.01.2024).

³ Значение-слова/артефакт [Электронный ресурс] // Картаслов.ру — Карта слов и выражения русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/артефакт> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴ В количественном анализе не учитывались загадки из разделов «Новый быт» и Новая хозяйственная деятельность» сборника: Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021.

ние отгадки. Думается, что на значимость тематической группы загадок можно экстраполировать известное положение когнитивной лингвистики о том, что «чем выше номинативная дробность, расчлененность той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителей языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления...» (Попова, Стернин, 2001: 98).

На следующем этапе был определен рейтинг частотности тематических групп на основе подсчета загадок на одну тему. Результаты количественного анализа представлены в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1. Тематическая классификация тувинских загадок об артефактах
Table 1. Thematic classification of Tuvan riddles about artifacts

№	Тематическая группа	Кол-во номинаций	Рейтинг номинативной дробности	Кол-во загадок	Рейтинг частотности
1.	Юрта	35	1	51	2
2.	Кухонная утварь	33	1	62	1
3.	Артефакты коневодства	29	2	34	4
4.	Инструменты	26	3	44	3
5.	Одежда и обувь, украшения	24	3	31	4
6.	Предметы домашнего обихода	21	3	41	3
7.	Оружие	22	3	24	5
8.	Артефакты курения	5	4	10	6
	Итого:	195		297	

Количественный анализ дает наглядное представление о том, что центральное место в корпусе тувинских загадок об артефактах занимает группа «юрта» (тув. *өг*), ибо к числу наиболее дробных групп относятся загадки о юрте и кухонной утвари (именно данный факт объясняет выделение последней группы из более общей по тематике «предметы домашнего обихода»). Однако соотношение числа денотатов к количеству загадок (35:51 — у первой группы, 33:62 — у второй) говорит о большей номинативной плотности тематической сферы «жилище» (0,69 против 0,53). Таким образом, загадки о родном доме — *өг* 'юрте' — являются наиболее значимыми в сфере энигматических текстов о материальной культуре тувинцев, что отражает важность дома в тувинской модели мира. Это тем более справедливо, если учесть, что и кухонная утварь, и другие предметы домашнего быта наполняют внутреннее пространство юрты, в связи с чем группа «юрта» при широком ее понимании включает 154 загадки и 84 артефакта-денотата.

Өг 'юрта' как круглый огороженный мир

Традиционное жилище тувинцев *өг* 'юрта', безусловно, является архетипическим (т. е. древнейшим, при этом сохраняющим свою значимость в нормативно-ценностном пространстве современной культуры) артефактом. Сегодня юрта сохраняет свою функцию жилища лишь для животноводов и потеряла свою значимость как жилья для тувинцев, ставших городскими и сельскими жителями. Тем не менее она обрела новые формы бытования в литературе, архитектуре, дизайне интерьера и одежды, в питании, педагогике, логотипах и сувенирах и т. д. (Тувинцы. Родные ... , 2022: 118–137; Өвүс ..., 2022).

Известно, что в корпусе загадок разных этносов дом занимает важнейшее место в моделировании мира и концептуализации пространства (Цивьян, 1978). В отличие от русского языкового сознания, в котором пространство представлено как нечто бескрайнее, раздольное, беспредельное, не имеющее

четких границ, в тюрко-монгольском культурном мире, частью которого является тувинская культура, пространство воспринимается носителями языка как «замкнутая сфера или окружность, в центре которой находится *дом, семья, родные, близкие*» (Воробьев и др., 2023: 157; курсив источника. — Т. Б.). Именно юрта как место проживания семьи является исходным центром тувинского пространственного кода (там же: 158); от средоточия человеческого микромира подобно кругам на воде расходятся другие локусы микро- и макромира, воспроизводящие форму круга юрты.

В загадках тувинский дом — *өг* 'юрта' — представляет собой жилище, обладающее следующими признаками: прочное, огороженное, возвышающееся, круглой формы.

*Дең-дең дөңгелчик,
Дөгээ баары кажалаң,
Салаа-салаа садыргай,
Сыны меге, тырыкы* (ТТТЗ: 459¹).

(Өг).

Бугристая-бугристая кочка,
У подножья горы огороженная,
Пальцы-пальцы хрустящие,
Стан могучий и круглый.

(Юрта).

Как видим, в данной загадке представлены основные признаки стереотипного жилья тувинца: *өг* 'юрта' — по форме круглая, возвышающаяся как гора, с точки зрения сидящего на полу человека, имеющая стены, огораживающие и защищающие своих жильцов.

Показательно, что в группе загадок об устройстве юрты было обнаружено только два текста с денотатом *өг* 'юрта' и 45 — с описанием ее конструктивных элементов. Ранее лингвисты отмечали, что внимание к мельчайшим деталям в тувинских загадках связано с принципом преобладания описательных элементов над лирическими, а также признаковой детерминантой тюркских языков (Чеснокова, Усманов, 2022а: 298).

Такое общетюркское внимание к деталям обеспечивает эффективную реализацию важнейшей функции загадки — познавательной. Энигматические тексты сообщают детям о том, как устроен мир, так, в многочисленных загадках о юрте подробно воспроизводятся особенности ее конструкции:

«Стены юрты образует деревянный каркас из 6 (или больше) звеньев складной решетки, установленных вертикально по кругу. Крыша — куполообразная, из тонких длинных палок, привязанных одним концом к решетке, а другим вставленных в деревянный круг, служащий одновременно и дымовым отверстием»².

О том, на сколько подробно в корпусе загадок представлены элементы конструкции юрты, ярко свидетельствует перечень отгадок: *өг ханазы* 'решетка юрты', *өгнүң хана-карактары* 'клетки юрточной решетки', *өг ханазының черде дээп турар уштары* 'нижние концы деревянных решеток юрты', *хана бажы* 'верхние перекрытия решеток', *хана көгү* 'кожаная скрепка деревянной решетки', *чадырның алажызы, улун (ынаа)* 'тонкая жердь, служащая стропилом в юрте', *ынаа салдырыы, илдирге* 'ремень в виде петли, волосная верёвочная петля для скрепления жердей (решеток)', *өгнүң дүндүү* 'дымовое отверстие', *хараача, ынаа* 'большой обруч дымового отверстия', *багана (магана)* 'жердь, поддерживающая верхний обруч юрты', *дүндүкте багана бажы* 'вершина подпорки — багана в дымовом отверстии юрты', *өреге (өгнүң өрегези)* 'войлочное покрывало дымохода', *өреге баа* 'ремни войлочного покрывала дымохода юрты', *ширтек, чээк* 'войлочный коврик, обшлаг, обшивка', *эжик* 'дверь', *эргин чаактары* 'косяки двери', *өг куру* 'лента для опоясывания, обвязка, (опояска) юрты', *кожалаң, өг куру* 'лентообразная волосная верёвка, снаружи опоясывающая остов юрты'.

Очевидно, что многие конструктивные элементы «видятся» как состоящие из более мелких частей (дымовое отверстие — обруч дымового отверстия, жердь, поддерживающая обруч, вершина этой подпорки, войлочное покрывало и его ремни).

¹ Здесь и далее загадки и их перевод на русский язык цитируются по изданию: Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. Здесь и далее в скобках указано сокращенное название издания (ТТТЗ) и номера загадок, ответы на которые приводятся в сборнике под теми же номерами в разделе «Отгадки».

² Быт и традиции тувинцев. Жилище [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Тыва. Дзен. 2022, 6 июля. URL: https://dzen.ru/a/YsKIIxyfFS_Nsba3 (дата обращения: 15.01.2024).

Важным обучающим фактором является и наличие многосложных загадок, в которых показываются разные конструктивные элементы во взаимодействии, а также процесс сборки — разборки переносного жилища, изготовления войлочного коврика:

*Аран-аран аралашты,
Алды кокай туткулашты,
Чээрен, чээрен чергелешти,
Чеди кокай хербелешти (ТТТЗ: 466).*

(Өг ханазының аксын кириштирери).

Черед-черед чередуются,
Шесть волков кусаются,
Дзерены, дзерены равняются.
Семь волков дерутся.

(Разбор остова юрты).

— Иштиң чүү чарды?
— Чече чарды.
— Чүү үндү?
— Ириң үндү.
— Чүү сукту?
— Чири сукту (ТТТЗ: 467).

(Өг ханазы, көктеп турганы,
көктээш, баглап алганы).

— Что проколлот твой живот?
— Сверло проколлоло.
— Что вышло оттуда?
— Гной.
— Что впихнули туда?
— Плотную сыромятную кожу.

(Юрточные решётки, изготовление их,
соединение ремнём).

Чаңгыс хойнуң шыыры көвей (ТТТЗ: 494).

(Ширтек сыры).

У одной овцы много вытопанного снега.

(Прошивка, простёгивание войлочного коврика).

К обозначенным выше причинам внимания к деталям в тувинских загадках (признаковая детерминанта в языке, преобладание описания над лиричностью) следует добавить и частное прагматическое основание: в традиционной культуре большое значение придавалось умению быстро и правильно собрать и разобрать юрту, поэтому в социализации ребенка знание ее конструктивных деталей и особенностей весьма значительно.

Оппозиция «верх — низ» в загадках о юрте

В энигматической группе өг 'юрта' наиболее детально разработано конструктивное устройство верха юрты (26 загадок) и ее стен (19 загадок), иначе говоря, те элементы постройки, которые служат границами между внешним миром и миром человека и его семьи, что, безусловно, связано как с особенностями самой юрты, так и с культурной значимостью крыши и стен дома в моделировании мира, их когнитивной связанностью с рядом архетипических оппозиций (верх — низ, внешний — внутренний, закрытый — открытый, подвижный — неподвижный, живое — неживое, природное — культурное). Правда, в отличие от пословичного жанра, в котором наличие обеих частей биннома является важнейшим лингвокогнитивным принципом народных речений (Бочина, 2023; Селиверстова, 2022), в загадках архетипические оппозиции актуализируются, как правило, одним своим членом.

Из 51 загадки о юрте лишь в одной оппозиция «верх — низ» представлена обоими компонентами, в ней пространственная вертикаль маркируется контрастом формы низа (пола, покрытого коврами) и кровли юрты:

Дөртү калбагар,
Ийизи элдегер (ТТТЗ: 461).

(Өг адаа, дээвицрлер).

Четверо плоских,
Двое выпуклых.

(Низ юрты, войлочная кровля юрты).

В трех загадках указывается на жердь, соединяющую низ и верх юрты *багана* (*магана*), еще одна загадка посвящена нижним деталям конструкции юрты:

Куйда кула агттың кулаа көстүп тур (ТТТЗ: 484).

Багана (*магана*).

В пещере ухо саврасого коня видно.

(Жердь, поддерживающая верхний обруч юрты; подпорка).

Муң кушкаш чер соктады (ТТТЗ: 464).

(Өг ханазының черде дээп турар уштары).

Тысяча птиц землю клюёт.

(Нижние концы деревянных решёток юрты, касающиеся земли).

Подавляющее же большинство текстов загадок (25) из тех, что описывают вертикаль тувинского жилища, указывают на верхние конструктивные элементы: *хана бажы* ‘верхние перекрытия решеток’, *ынаа* ‘жерди-стропила’, *өгнүң дүндүү* ‘дымовое отверстие’, *хараача* ‘обруч дымового отверстия’, *өреге* (*өгнүң өрегези*) ‘войлочное покрывало дымохода юрты’ и др.

Дөө аалдың, дуу аалдың өшкүзүнүң мыйызы олуй-солуй
(ТТТЗ: 472).

(*Хана бажы*).

У того аала, у этого пала
Рога коз крест-накрест.

(Верхние перекрытия решёток — секций юрты).

Бурбуудайны муң кижичүктээн (ТТТЗ: 481).

(*Хараача, ынаа*).

Бурбудаая тысяча человек на спине носит.

(Большой обруч дымового отверстия наверху юрты для закрепления жердей-стропил в пазах-прорезях; длинные тонкие жерди, служащие стропилами в юрте).

Такая детальная проработка верха юрты в загадках мотивирована аксиологической выделенностью в модели мира именно данной части бинома *верх — низ*, а также существенность верхней границы между микро- и макромиром.

Оппозиция «внутреннее — внешнее» в загадках о юрте

В модели мира дом является связующим звеном между человеком и миром, т. е. внутренним и внешним, в загадках о войлочной юрте также зафиксирована эта диалектическая связь людей, населяющих юрту (*ишти* ‘живот’), и выхода во внешний мир (*тейи дежик* ‘дырявая макушка’):

*Тейи дежик,
Ишти курттуг (ТТТЗ: 460).*

(Тербе өг: өгнүң дүндүү, өгде кижилер).

Макушка дырявая,
Живот червивый.

(Войлочная юрта: дымовое отверстие юрты,
люди в юрте).

Еще раз подчеркнем, что в тувинской лингвокультуре өг ‘юрта’ имеет значение не просто дома, но дома, где живет семья.

В ряде загадок внутреннее пространство юрты кодируется посредством образов пещеры, колодца, тайги, стойбища.

*Кудукта хува инектиң кудуруу көстүп тур,
Хувагада кула бениң кулаа көстүп тур (ТТТЗ: 652).*

(... Дүндүкте багана бажы).

Из колодца хвост соловой коровы виден,
Из чаши уши саврасой кобылицы видны.

(... вершина подпорки — багана в дымовом
отверстии юрты).

*Куй иштинде кулун дешкилеп тур,
Аргада ак баштыг ашак олур (ТТТЗ: 574).*

(От, төш).

В пещере жеребёнок скачет,
В тайге белоголовый старик сидит.

(Огонь, печь).

*Улуг сарыг коданындан
Улаастайлаан оглум Улаан-шимээн барды (ТТТЗ: 587).*

От чаштанчызының өг дүндүүнче көдүрүлгени.

Из большого жёлтого стойбища
В Улясутай поехавший мой сынок Притих-затих.

(Искры, исчезающие в дымовом отверстии
юрты).

Оппозиция «закрытое — открытое» в загадках о юрте

Двойственная роль дома — с одной стороны, защищать, ограждать микромир человека, а с другой — связывать микро- и макромир, подразумевает его амбивалентность, способность быть замкнутым и незамкнутым, закрытым и открытым пространством. Крепость юрты обеспечивает не только твердость звеньев деревянной решетки, но и надежность их соединения.

*Дөңден-дөңден, дөңден курттулан,
Хая-хаяа хаяалан (ТТТЗ: 482).*

(Хараача, ынаа)

Конец с концом связаны,
Скала со скалою соединены.

(Большой обруч дымового отверстия наверху
юрты для закрепления жердей — стропил
в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди,
служащие стропилами в юрте).

Совсем не случайно целый ряд загадок описывает различные элементы крепления: *ынаа салдырыы*, *илдирге* ‘верёвочная петля для скрепления жердей’, *хана көгү* ‘кожаная скрёпка деревянной решётки’, *өг куру* ‘обвязка, (опояска) юрты’:

Узун оол удазын эзеңгилиг (ТТТЗ: 478).

(Ынаа салдырыы, илдирге).

Длинный парень с нитяными стременами.

(Ремень в виде петли; волосяная верёвочная петля для скрепления жердей (решёток) в юрте).

Аар ийде адыг богдунуп чыдыр,
Бээр ийде бег богдунуп чыдыр (ТТТЗ: 474).

(Хана көгү).

На северном склоне медведь удавливается.
На южном склоне бег вешается.

(Кожаная скрёпка деревянной решётки, служащей стеной юрты).

Бирээзи бо чарыкты куду баткан,
Бирээзи дөө чарыкты куду баткан (ТТТЗ: 500).

(Өг куру).

Один на эту сторону вниз спустился,
Другой на ту сторону вниз спустился.

(Лента для опоясывания, обвязка, (опояска) юрты).

Амбивалентность дома обеспечивает в первую очередь дверь, которая закрывает либо открывает макромир, впускает в микромир либо выпускает из него человека. Именно признак подвижности, связанный с функцией артефакта, является мотиватором отгадки тувинского энигматического текста о двери, что в описательной части загадки выражается глаголами *калбаң* ‘качается’, *дапың* ‘замахивается’, *шапың* ‘останавливается’ (заметим, что этот же признак характерен для загадок китайских и монгольских тувинцев, см.: Юша, 2021: 30):

Үне калбаң,
Кире калбаң (ТТТЗ: 496).

(Эжик).

Выходишь — качается.
Входишь — качается.

(Дверь).

Даады дапың,
Далыма шапың (ТТТЗ: 498).

(Эжик).

Постоянно замахивается.
Останавливается избитая

(Дверь).

Другим элементом тувинской юрты, отвечающим за выход во внешний мир, является дымовое отверстие в крыше; его функция открывания — закрывания осуществляется с помощью *өреге* (*өгнүң өрегези*) ‘войлочное покрывало’, которое *чанар*, *келир* ‘приходит, уходит’ и *ажылдаар* ‘работает’:

Эртен чанар,
Кежээ келир (ТТТЗ: 487).

(Өреге (өгнүң өрегези)).

Утром уходит,
Вечером приходит.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

Эртен чанар саглай,
Кежээ келир саглай (ТТТЗ: 488).

(Өреге (өгнүң өрегези)).

Утром уходит лохматый,
Вечером приходит лохматый.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

Өг ‘юрта’ кочевника лишена окон в традиционном понимании некоевых народов, которые осмысливают окна как глаза дома, обеспечивающие визуальную связь с внешним миром и пропускаю-

щие внутрь солнечный свет. Данную функцию в юрте выполняет дымовое отверстие в крыше, благодаря которому

«юрту можно назвать своеобразной обсерваторией. Через верхний проем взрослые определяли погоду на следующий день, показывали детям расположение звезд, рассказывали о звездах, о созвездии Большой Медведицы, легенды и мифы, связанные со звездами, с небом. Через дымовое отверстие определялись часы, время: раннее утро, время, когда можно начинать доить коров, время, когда можно отгонять скот на пастбища, время обеда, когда можно пригнать скот на стоянку, время вечерней дойки» (Шойдук, 2019: 305).

Эта специфичная для кочевников роль дымохода (совершенно нетривиальная для некоевых народов) — визуальная связь с внешним миром, способ ориентации во времени — отражается текстами загадок, в которых описание покрывала, открывающего или закрывающего «окно в мир», осуществляется указанием на время посредством оппозиций *утро — вечер, лето — зима*:

*Кежээ келир саглай,
Дүлүм ээтиг саглай,
Эртен келир саглай,
Кечим шайлыг саглай* (ТТТЗ: 489).

(Өреге (өгнүң өрегеги)).

Вечером приходит лохматый,
С порцией мяса лохматый,
Утром приходит лохматый,
С восьмушкой чая лохматый.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

*Дөңгүр-караның энчээ
Дөрт бурундуктуг,
Чаңгыс бурундуу
Чай, кыш чок ажылдаар* (ТТТЗ: 490).

(Өреге (өгнүң өрегеги)).

У чёрно-лысого покрывало войлочное
С четырьмя поводьями,
Один повод
И летом, и зимой работает.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

Столь высокая значимость дымового отверстия, определяемая его полифункциональностью как в бытовой, так и в духовной жизни тувинцев объясняет очеловечивание артефакта, выбор для кодирования имени собственного.

*Салаа-булаа сандаргай,
Сайын меге төгөрик* (ТТТЗ: 483).

(Хараача, ынаа).

Пальцы-пальчики разбросаны,
Силач Сайын круглый.

(Большой обруч дымового отверстия наверху юрты для закрепления жердей — стропил в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди, служащие стропилами в юрте).

Бурбуудайны муң кижги чүктээн (ТТТЗ: 481).

(Хараача, ынаа).

Бурбудая тысяча человек на спине носит.

(Большой обруч дымового отверстия наверху юрты для закрепления жердей — стропил в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди, служащие стропилами в юрте).

Оппозиции «живое — неживое», «природное — культурное» в загадках о юрте

Особую важность для жанра загадки имеют оппозиции *живое — неживое, природное — культурное*, поскольку в описательной части загадки и в отгадке чаще всего сочетаются реалии разного порядка,

принадлежащие, как правило, к разным классификационным категориям¹. Так, многие артефакты юрты метафорически изображаются посредством натурфактов, среди которых можно особо выделить единицы антропоморфного, зооморфного и биоморфного кодов культуры.

Почти в каждой третьей загадке о юрте та или иная ее деталь описывается посредством образа человека с использованием терминов родства, имен собственных (см. примеры выше), общих и гендерных наименований, оценочных лексем. Так, при описании кожаной скрепки используются образы матери и отца, стропило зашифровано как высокая девушка или голосистый парень, веревочная петля представлена в тексте как длинный парень, обруч дымового отверстия замещен в энигматической части образом глупца, а жерди-стропила — множеством людей:

*Артыңда адаң чудуруун аннып олур,
Мурнуңда иең дылын уштуп олур* (ТТТЗ: 473).

(Хана көгү).

Сзади твой отец кулаком потрясывает.
Впереди твоя мать язык показывает.

(Кожаная скрепка деревянной решётки,
служащей стеной юрты).

*Узун уруг
Ужунда, бажында сыртыктыг* (ТТТЗ: 476).

(Улун (ынаа)).

У высокой девушки
У головы и ног подушки.

(Тонкая жердь, служащая стропилом в юрте).

Узун оол удазын эзеңилиг (ТТТЗ: 478).

(Ынаа салдырыы, илдирге).

Длинный парень с нитяными стремянами.

(Ремень в виде петли; волосная верёвочная петля для скрепления жердей (решёток) в юрте).

Мугулайны муң кижичушкуулады (ТТТЗ: 479).

(Хараача, ынаа).

Глупца тысяча человек в затылок колют.

(Большой обруч дымового отверстия наверху юрты для закрепления жердей — стропил в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди, служащие стропилами в юрте).

Столь же часто (больше четверти загадок о юрте) на особенности деталей в загадке указывают зоонимические образы, прежде всего одомашненных животных: коня, кобылицы, коровы, козла (козы), валуха (кастрированного барана):

Куйда кула агттың кулаа көстүп тур (ТТТЗ: 484).

(Багана (магана)).

В пещере ухо саврасого коня видно.

(Жердь, поддерживающая верхний обруч юрты;
подпорка).

При этом в большинстве случаев эксплуатируется один и тот же признак — рога животного, с помощью которого кодируются верхние концы решеток, соединенных крест-накрест:

¹ Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Томск, 2012. С. 9.

Кыр инээмниң мыйыстары олуй-солуй (ТТТЗ: 462).

(Тербе бажының солушкаа).

У чалой коровы моей рога крест-накрест.

(Стены — решетки войлочной юрты).

*Ишкинниң хаязы —
Ирт, сергениң мыйызы (ТТТЗ: 470).*

(Хана бажы).

Скалы Ишкина —
Рога валуха и козла.

(Верхние перекрытия решёток — секций юрты).

В тувинских загадках о войлочной юрте образы диких зверей встречаются редко (ведь дом — защита микромира человека от мира внешнего, часто враждебного), исключением являются образы медведя и волка, которые в мифах, верованиях тувинцев считались предками народа Тувы (Чолдак-оол, 2022: 17) и которым долгие годы поклонялись:

*Аар ийде адыг богдунуп чыдыр,
Бээр ийде бег богдунуп чыдыр (ТТТЗ: 474).*

(Хана көгү).

На северном склоне медведь давивается.
На южном склоне бег вешается.

(Кожаная скрёпка деревянной решётки,
служащей стеной юрты).

*Аран-аран аралашты,
Алды кокай туткулашты,
Чээрен, чээрен чергелешти,
Чеди кокай хербелешти (ТТТЗ: 466).*

(Өг ханазының аксын кириштирери).

Черед-черед чередуются,
Шесть волков кусаются,
Дзерены, дзерены равняются.
Семь волков дерутся.

(Разбор остова юрты).

Как отмечает знаток тувинской культуры М. Б. Кенин-Лопсан, «юрта сравнима с Чеди-Хааном — Большой медведицей, потому что юрта не стоит на одном месте в течение четырех времен года, а кочует с одной стоянки на другую» (Кенин-Лопсан, 2006: 34).

В шести загадках о юрте описательная часть содержит природные образы: горы, скалы, лес, реки, родник:

*Бо дагның көгүн тырттарымга,
Дөө даг шимчеди (ТТТЗ: 503).*

(Өг куру).

Зелень этой горы рвал —
Та гора зашевелилась.

(Пояс юрты).

*Бөлүк шыргайда
Чаңгыс шыргай дедир үнген (ТТТЗ: 475).*

(Чадырның алажызы).

Среди чащи
Одна лесина растопырилась

(Тонкая жердь, служащая стропилом в чуме).

Сен ыңай бат,
Мен бээр кээйн,
Булуктуг кара сугга ужуражыыл (ТТТЗ: 502).

(Кожалаң, өг куру).

Ты туда спускайся,
Я сюда приду,
У горного родника встретимся.

(Лентообразная волосяная верёвка, снаружи
опоясывающая остов юрты; опояска (пояс) юрты).

Именно данные природно-ландшафтные образы чаще всего актуализируются в тувинской лингвокультуре (Николаева и др., 2023: 54).

Заключение

По данным корпуса загадок в центре тувинской модели мира, безусловно, находится өг 'юрта', которая вместе с наполняющими ее предметами домашнего обихода породила более половины загадок об артефактах. Обучающая функция энигматических текстов о доме реализуется на двух уровнях: поверхностном и глубинном. Поверхностный (прагматический) слой связан с передачей знаний об устройстве юрты; большое количество ее мельчайших деталей, репрезентированных многочисленными загадками, свидетельствует о высокой значимости самого артефакта в жизни народа. Особенно детально разработаны те элементы постройки, которые служат границами между внешним миром и миром человека и его семьи.

Глубинный (когнитивный) уровень фиксирует место артефакта в модели мира, соотносённость рукотворного предмета с той или иной универсальной оппозицией описания мира. С этой точки зрения, юрта и ее детали кодируются в рамках архетипических биномов «верх — низ», «внешний — внутренний», «закрытый — открытый», «подвижный — неподвижный», «живой — неживой», «природный — культурный». При этом для метафорического описания чаще всего используются антропоморфный, зоо- и биоморфный коды культуры, другими словами, артефакты описываются посредством метафоризации натурфактов.

Перспектива исследования видится в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом анализе тувинских загадок о других группах артефактов, в том числе не только в роли энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке), но и энигматора (кодирующей, описательной части).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочина, Т. Г. (2023) Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 286 с.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Воробьев, В. В., Фаткуллина, Ф. Г., Кужугет, Ш. Ю. (2023) Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 153–170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.

Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Ломакина, О. В., Сайтбатталов, И. Р., Сайтбатталова, Ю. А., Хушкадамова, Х. О. (2023) Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера // Oriental Studies. Т. 16. № 4. С. 914–928. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928>

Лотман, Ю. М. (1996) О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб. : Искусство. 846 с.

Нелюбова, Н. Ю., Ломакина, О. В., Мирзаева, С. В. (2023) ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 3. С. 595–615. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Өвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / сост. : Ч. К. Ламажаа [и др.] ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2001) Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки. 191 с.

Сатанар М. Т. (2022) Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. № 1. С. 211–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Цивьян, Т. В. (1978) Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. № 10. С. 65–84.

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Чолдак-оол, Ш. В. (2022) Отражение нематериальной культуры тувинцев в гидронимии Тувы // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. № 2. С. 13–23.

Шойдук, Л. Ш. (2019) Юрта — древнее жилище тувинцев // Искусство Евразии. № 3 (14). С. 302–316. DOI: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.022>

Юша, Ж. М. (2021) Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (30). С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. Vol. 21. Issue 1. P. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Дата поступления: 09.02.2024 г.

Дата принятия: 08.03.2024 г.

REFERENCES

- Bochina, T. G. (2023) *The proverb is said for centuries: selected works on Russian paremiology*. Kazan', Izd-vo Kazanskogo un-ta. 286 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Vorob'ev, V. V., Fatkullina, F. G. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional Tuvan culture*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 232 p. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2022) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaja, J. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
- Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
- Lomakina, O. V., Saitbattalov, I. R., Saitbattalova, I. A. and Khushkadamova, Kh. O. (2023) Religious and Theological Concepts of Islam in Bashkir, Uzbek and Tajik Proverbs: A Perspective from the Theory of Cultural and Linguistic Transfer. *Oriental Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 914–928. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928>
- Lotman, Yu. M. (1996) *About poets and poetry: An analysis of the poetic text. Articles and research. Notes. Reviews. Performances*. St. Petersburg, Iskusstvo. 846 p. (In Russ.).
- Neliubova, N. Y., Lomakina, O. V., Mirzaeva, S. V. (2023) LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 595–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>
- Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakass, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>
- Övüs. *The return of the Tuvan yurt* (2022) / comp. by Ch. K. Lamazhaa et al., ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).
- Paremiology without Borders* (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).
- Paremiology at the crossroads of Languages and Cultures* (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2001) *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh, Istoki. 191 p. (In Russ.).
- Satanar M. T. (2022) Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 211–224. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>
- Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>
- Tuvans. Native people* (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).
- Tsiv'ian, T. V. (1978) The house in the folklore model of the world (based on the material of the Balkan riddles). *Trudy po znakovym sistemam*, no. 10, pp. 65–84. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Chesnokova, O. S., Usmanov, T. F. (2022b) Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Choldak-ool, Sh. V. (2022) Reflection of the intangible culture of Tuvans in the hydronymy of Tuva. *Rodnye iazyki i kul'tury v sovremennom izmeniaiushchetsia mire*, no. 2, pp. 13–23. (In Russ.).

Shoiduk, L. Sh. (2019) The Yurt is an ancient dwelling of Tuvans. *The art of Eurasia*, no. 3 (14), pp. 302–316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.022>

Yusha, Zh. M. (2021) The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 2 (30), pp. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, vol. 21, issue 1, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Submission date: 09.02.2024.

Acceptance date: 08.03.2024.